

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

ОСОБЕННОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ В ПОЭЗИИ С. НЕРИС

Дипломная работа

студентки IV курса
отделения баллистики
Алисы Евгеньевны Шиковой

подпись

Научный руководитель
асс. А. Д. Даугавет

«_____» _____ 200__ г.

подпись

Санкт-Петербург, 2009

Содержание

Содержание	2
Введение	3
Часть 1. Характер ударения и основные принципы акцентуации	
в литовском языке	5
Ударение и слоговые интонации	5
Акцентуация непроеводных существительных	6
Акцентуация производных слов	10
Акцентуация глаголов	12
Часть 2. Акцентуация в поэзии С. Нерис	14
Глагольные формы	14
Личные формы глаголов	14
Причастия	15
Прилагательные	19
Непроеводные прилагательные	19
Прилагательные с суффиксом <i>-ét(as), -ét(a)</i>	24
Несогласуемые формы прилагательных	28
Формы прилагательного и числительного женского рода	
единственного числа дательного падежа	30
Местоимения	32
Существительные	34
Место ударения в двусложных окончаниях существительных	34
Иные случаи несоответствия ударения литературной норме	
в поэзии С. Нерис	35
Заключение	38
Литература	40

Введение

Саломея Нерис (1904 — 1945) – одна из известнейших поэтесс Литвы XX века. Ее произведения неоднократно переиздавались и переводились на многие языки, к их исследованию часто обращались литературные критики.

Данная работа анализирует особенности акцентуации в стихотворных произведениях С. Нерис в сопоставлении с литературной нормой литовского языка. Не вызывает сомнения тот факт, что ударение в поэтическом тексте в принципе может отличаться от традиционного в силу тех или иных особенностей ритма и требований размера. Тем не менее, в данном случае предметом изучения, прежде всего, будут отклонения, не обусловленные спецификой жанра и предположительно характерные также для устной речи поэтессы. Оставаясь «невидимыми» в прозаическом тексте, такие отклонения легко обнаруживаются в стихах, написанных в соответствии с традиционными размерами. В отличие от случайных нарушений, сделанных в угоду размеру, они имеют соответствия в разговорной речи носителей литературного языка, специфика которой, чаще всего, объясняется влиянием диалектов. С. Нерис родилась в деревне Киршяй на территории современного Вилкавишкского района Литвы, и, таким образом, должна считаться представительницей т. н. каунасского говора западноаукштайтского диалекта. Представляется очевидным, что черты, свойственные данному говору, могли найти отражение в созданных ею поэтических текстах.

Как уже отмечалось, анализу поэзии С. Нерис посвящено немалое количество литературоведческих работ. Однако в большинстве этих работ речь идет о художественных особенностях произведений поэтессы, об этапах ее творческого пути и масштабах ее культурного наследия. Тот факт, что в ее стихотворениях и поэмах ударение зачастую не соответствует традиционному, рассматривается лишь в контексте анализа ритмических и стилистических особенностей, характерных для творчества С. Нерис (например, В. Кубилюс «Лирика Саломеи Нерис»). Таким образом, актуальность настоящей работы заключается в том, что в нем особенности акцентуации С. Нерис впервые становятся объектом специального исследования.

Цель данной работы можно определить как анализ акцентуации в произведениях Нерис и установление причин несоответствия ударения литературной норме. Так как литовский язык обладает свободным ударением, место которого, как правило, зависит от акцентных свойств морфем, несовпадения, наблюдаемые между литературной нормой и разговорной речью, а также литературной нормой и диалектами, также должны, в конечном итоге, подлежать описанию в терминах морфологической акцентологии.

Для достижения заявленной цели необходимо решить следующие задачи. Во-первых, следует выявить случаи, в которых место ударения в произведениях С. Нерис отличается от литературной нормы. Во-вторых, обнаруженные случаи нужно будет сопоставить с особенностями акцентуации в родном диалекте поэтессы, чтобы разграничить случайные несовпадения, обусловленные размером, от отклонений системного характера. Наконец, задачи работы также включают анализ акцентных свойств морфем в случаях, когда отличное от литературной нормы место ударения имеет своим источником диалект.

В качестве материала для анализа изначально была выбрана поэма С. Нерис «Ель королева ужей» (Nėris S. "Eglė žalčių karalienė", Kaunas: Valstybinė Grožinės Literarūros Leidykla, 1946). Однако довольно скоро очевидным стало недостаточное для исследования количество материала, и был проанализирован первый том собрания сочинений поэтессы (Nėris S. "Raštai", I. Kaunas: Valstybinė Grožinės Literarūros Leidykla, 1957). Второй том содержит как прозу, так и поэзию, и в данной работе не был проанализирован.

Часть 1. Характер ударения и основные принципы акцентуации в литовском языке

Ударение и слоговые интонации

Прежде чем приступить к анализу акцентуации в поэзии С. Нерис, представляется уместным описать ударение в литовском языке в целом, включая факторы, которые влияют на место ударения в тех или иных классах слов. Настоящее изложение опирается на соответствующий раздел «Современной грамматики литовского языка»¹ [DLKG: 49 — 55], а также книгу Б. Стунджи «Система акцентуации литовского литературного языка» [Stundžia 1995].

Довольно сложная акцентуация представляет собой одну из отличительных черт литовского языка. В литовском имеется свободное ударение, иными словами, в отличие от языков с фиксированным ударением (например, латышского или чешского, польского и др.), где ударным является первый, второй от конца или последний слоги, в литовском языке ударение может падать на любой по счету слог: *núoskriauda* ‘обίδα’, *aprašymas* ‘описание’, *valgyklà* ‘столовая’.

Ударение в литовском языке способно выполнять дистинктивную, или смыслоразличительную, функцию, то есть здесь существуют минимальные пары, различающиеся между собой только местом ударения, ср.: *likime*² (форма наст. вр. 1-ого л. мн. ч. от *likti* ‘оставаться’) — *likime* (форма зват. п. от *likimas* ‘судьба’) — *likimè* (ф. местного п. того же слова).

В литовском языке выделяют краткие и долгие слоги. Краткость слога принято обозначать с помощью грависа (˘): *sàvo* ‘свой’. Долгий слог образуют долгий монофтонг (*mēdis* ‘дерево’), дифтонг (*káimas* ‘деревня’) или дифтонгическое сочетание (*várna* ‘ворона’). На долгих слогах существуют слоговые интонации: акутовая, традиционно называемая нисходящей (напр., *várna* ‘ворона’) или сильноначальной, и циркумфлексная, традиционно называемая восходящей или сильноконечной (напр., *mēdis* ‘дерево’). Слоговые интонации различаются между собой за счет частоты основного

¹ Далее DLKG.

² Здесь и далее примеры из используемой литературы, перевод мой.

тона, интенсивности, а также длительности. Интонации так же способны выполнять дистинктивную функцию, а именно, в языке есть пары слов, различающиеся только типом интонации, например: *áukštas* 'высокий' и *aũkštas* 'этаж'.

Место ударения в слове определяют не фонетические характеристики слогов или их расположение относительно границ слова, а акцентологические свойства тех морфем, которые составляют слово или его форму — их относительная акцентологическая ценность. Кроме того, в некоторых случаях на акцентуацию могут влиять количественные характеристики морфем и тип слоговой интонации, однако их действие зависит от морфологических факторов.

Акцентуация непроеводных существительных

Сразу следует обратить внимание на ряд терминов, которые употребляются в литературе для обозначения типов акцентных свойств, характерных для морфем. Б. Стунджа придерживается терминологии, выдвинутой французским лингвистом П. Гардом. В своих ранних работах П. Гард выделял два понятия: «акцентная сила» и «место ударения». Позже термин «акцентная сила» он заменил термином «ударность», и ввел третье понятие — «доминанция». О доминанции речь пойдет позже, в связи с производными словами, пока остановимся на первых двух понятиях.

Итак, по П. Гарду, акцентная сила (Б. Стунджа использует именно эту, первоначальную, формулировку) — это способность морфемы получать ударение и удерживать его в парадигме, либо влиять на другие морфемы, обеспечивая их ударность. Сильные морфемы этой способностью обладают, а слабые — нет. С понятием акцентной силы тесно связано место ударения, характеристика, появляющаяся только у ударных морфем. Причем словосочетание «ударная морфема» здесь выступает в несколько ином значении, чем обычно: ударной может быть не только та морфема, которая непосредственно находится под ударением. П. Гард выделяет три типа таких морфем: преакцентные (*dañgiškas* 'небесный'), постацентные (*bespalvis* 'бесцветный') и аутоакцентные, то есть ударные в узком смысле (*laimingas* 'счастливый'). Таким образом, все три морфемы (*-išk(as)*, *-ing(as)* и *be-*) являются ударными. Однако для характеристики акцентологии литовского языка использование этих трех терминов крайне неудобно, поэтому от понятия ударности в широком смысле пришлось отказаться и выбрать более

привычное и приемлемое для литовского языка разделение морфем на ударные и безударные, где под ударными морфемами понимаются морфемы, получающие ударение.

А. Гирдянис в DLKG использует несколько иную терминологию. Его термин «относительная акцентологическая ценность» объединяет понятия акцентной силы и места ударения, которыми пользуется П. Гард. Если отталкиваться от понятия ударности в широком смысле, то термин А. Гирдяниса «относительная акцентологическая ценность» и термин П. Гарда «акцентная сила» не соответствуют друг другу, но если под ударностью понимать ударность в узком смысле слова, то можно говорить о соответствии этих понятий.

Рассмотрим понятие относительной акцентологической ценности применительно к двусложным непроизводным словам, принадлежащим к именным частям речи. Это означает, что с точки зрения акцентологической ценности нужно охарактеризовать основу слова и окончание.

Что касается основ двусложных слов, то по этому принципу их можно разделить на два класса: сильные основы и слабые основы. Сильные основы получают ударение перед любым окончанием³, например: *PÍEV-q*, *PÍEV-Ų* от *PÍEV-À* ‘луг’, *VIĕT-q*, *VIĖT-Ų* от *VIET-À* ‘место’. Слабые основы ударение получают, но только перед слабым окончанием, например: *mìgl-ai* от *mìgl-À* ‘туман’ *diĕn-q* от *dien-À* ‘день’, но *dien-Ų*, *mìgl-Ų*. Установить акцентологическую ценность основы (или ее акцентную силу, так как в данном случае эти понятия совпадают) можно по форме дат. п. мн. ч. или род. п. мн. ч.: в этих формах сильные основы всегда ударные, а слабые — безударные, ср.: *PÍEV-OMS*, *PÍEV-Ų* и *dien-ÓMS*, *dien-Ų*.

На такие же два класса можно разделить и окончания двусложных слов. Сильными считаются окончания, получающие ударение только после слабой основы, например, окончания род. п. мн. ч.: *mìgl-Ų*, но *PÍEV-Ų*. Слабые окончания — это те окончания, на которые ударение не переходит как после слабой, так и после сильной основы. В частности, слабыми считаются окончания дат. п. ед. ч.: *mìgl-ai*, *PÍEV-ai*, а также окончания вин. п. ед. ч.: *PÍEV-q*, *MÌGL-q*.

Кроме сильных и слабых, выделяют еще один класс окончаний — так называемые аттрактивные окончания. В данном случае большое значение

³ Если окончание не аттрактивное, см. далее.

имеют свойства слога, образующего основу. Как уже упоминалось, в литовском языке слог может быть кратким и долгим, а долгие слоги в свою очередь могут иметь акутовую или циркумфлексную интонацию. В отношении аттрактивных окончаний слог, продленный под акутом, противопоставляется кратким и циркумфлексным слогам. По закону де Соссюра, или так называемому правилу предпоследнего слога, на аттрактивные окончания ударение переходит с краткого или циркумфлексного слога, а с акутового слога не переходит. Аттрактивными являются, например, окончания мн. ч. вин. п., например: *VIŠT-às* от *VIŠT-À* ‘курица’ (ср.: *vėid-us* от *vėid-as* ‘лицо’).

Итак, и основы, и окончания в литовском языке можно разделить на два класса, то есть в сумме имеются четыре разновидности основ и окончаний, а значит, возможны четыре их комбинации⁴: «сильная основа + сильное окончание» (*VÁRN-A* ‘ворона’), «сильная основа + слабое окончание» (*VÁRN-q*), «слабая основа + сильное окончание» (*galv-À* ‘голова’), «слабая основа + слабое окончание» (*gálv-q*).

Исходя из описания акцентных свойств основ и окончаний, изложенного выше, четыре разновидности этих морфем можно выстроить в иерархию с точки зрения вероятности, с которой они получают ударение, где первой будет морфема, всегда получающая ударение, а последней — морфема, никогда его не получающая:

- сильная основа;
- сильное окончание;
- слабая основа;
- слабое окончание.

На этом основании можно вывести «основное правило ударения» [Stundžia 1995 : 7]. Оно гласит, что ударение получает первая морфема большей или равной акцентной силы. Таким образом, нетрудно сформулировать несколько правил, определяющих постановку ударения в двусложных словах именных частей речи.

1. Сильная основа всегда получает ударение (за исключением форм с аттрактивными окончаниями и неакутовым корнем): *PÍEV-ai*, *VIēT-ai*, *PÍEV-OMS*, *VIĖT-OMS*.

⁴ Если не принимать во внимание аттрактивные окончания.

2. Если основа слабая, а окончание сильное, ударение переходит на окончание: *dien-Ū*, *skiedr-OSÈ* от *skiedr-À* ‘щепка’.

3. Если основа слабая и слабое окончание, ударение падает на основу: *skíedr-q*, *diēn-ai*.

Для того чтобы систематизировать сведения об акцентуации существительных в литовском языке и ввести четкие правила произношения, каждому существительному была присвоена одна из четырех акцентных парадигм (далее а. п.). Номер акцентной парадигмы указывается в словаре.

1. К **первой** а. п. относятся существительные с сильной основой и акутовым корнем. В формах таких существительных ударение всегда остается на основе (окончания в формах мн.ч. дат. и вин. п. безударные: *PÍEV-OMS*, *PÍEV-as*).

2. Ко **второй** а. п. относятся существительные с сильной основой и циркумфлексным или кратким корнем, то есть в соответствующих формах этих существительных ударение переходит на аттрактивные окончания, а на сильные — нет (в форме мн.ч. дат. п. окончание безударное, в форме вин. п. — ударное: *VIŠT-OMS*, но *VIŠT-às*).

3. **Третью** а. п. составляют существительные со слабой основой и акутовым корнем. В их формах ударение переходит на сильные окончания, а на аттрактивные не переходит (в форме мн.ч. дат.п. окончание ударное, в форме вин. пад. — безударное: *skiedr-óms*, *skíedr-as*).

4. Существительные **четвертой** а. п. — это существительные со слабой основой и циркумфлексным или кратким корнем. В формах таких существительных ударение переходит как на сильные, так и на аттрактивные окончания (окончания являются ударными как в форме мн.ч. дат., так и вин. п.: *dien-ÓMS*, *dien-às*).

Акцентные парадигмы имеют не только существительные, но и другие склоняемые части речи.

Отдельно стоит остановиться на акцентуации многосложных существительных. Если ударение в таком слове падает на последний слог основы (например, *berniùkas* ‘мальчик’), то действуют те же правила акцентуации, что и для двусложных слов. Если же между окончанием и ударным слогом есть хотя бы один промежуточный слог, постановка ударения соответствует правилам, действующим для односложных основ с акутовым корнем, даже в тех случаях, когда слог краткий или циркумфлексный. Таким образом, промежуточный слог препятствуют

действию закона де Соссюра: *šypsena* (1) ‘улыбка’ : *šypsenas* (вин. п. мн. ч.). Такие слова могут быть 1–ой или 3–ей а. п. Причем для существительных 3–ей а. п. интонация указывается с помощью индекса рядом с цифрой, обозначающей акцентную парадигму. Особенно это важно, если речь идет о существительных, ударение которых в форме им. п. ед. ч. переходит на сильное окончание и определить интонацию в корне невозможно. Индекс ^a означает, что в корне акутовая интонация, а с помощью индекса ^b обозначается краткость слога или циркумфлексная интонация, например: *aukštumà* (3^a) ‘возвышенность’ : *áukštumq*, *gilumà* (3^b) ‘глубина’ : *gìlumq*. Если же в слове больше трех слогов, номер слога основы, на который будет падать ударение в соответствующих формах, также указывается в индексе: *galvažudỹs* (3^{4a}) ‘разбойник’ : *gálvažudj*.

Акцентуация производных слов

Для того чтобы описать акцентуацию производных слов, относящихся к именным частям речи, нельзя обойтись только понятиями акцентной силы и места ударения. Здесь большое значение имеет так называемая доминация.

Дело в том, что акцентуацию производных слов определяют как акцентные свойства самой основы, так и акцентные свойства того форманта, с помощью которого образовано слово. Если акцентные свойства производного слова зависят от акцентной силы производящей основы, действует выше упомянутое основное правило ударения: ударение получает первая морфема большей или равной акцентной силы. Однако чаще всего аффиксы «привносят» в слово собственные свойства, которые определенным образом влияют на основу.

Как, например, объяснить акцентуацию слов, образованных с помощью суффикса *-ynas*? Он получает ударение в словах, образованных как от слабых, так и от сильных основ: *liepýnas* ‘липняк’ от *líepa* (1) ‘липа’, *alksýnas* ‘ольховый лес’ от *áłksnis* (2) ‘ольха’, *beržýnas* ‘березняк’ от *béržas* (3) ‘береза’, *pušýnas* ‘сосновый лес’ от *pušis* (4) ‘сосна’. Постановку ударения в этих словах невозможно объяснить только акцентной силой, необходимо ввести еще одно понятие — понятие акцентной доминации. Оно показывает, «каким образом аффиксы влияют на акцентную силу производящих основ и место ударения в производном слове» [Stundžia 1995 : 9].

По этому принципу все аффиксы можно разделить на доминантные и недоминантные, то есть имеющие влияние на акцентную силу производной основы и такого влияния не оказывающие.

Доминантные аффиксы могут как усиливать, так и ослаблять основу, поэтому среди них выделяют доминантные усиливающие и доминантные ослабляющие аффиксы.

Доминантные усиливающие аффиксы усиливают основу или сохраняют ее силу, например: *TĒVIŠK-as* (1) 'отеческий' от *tēv-as* (3) 'отец', *VAĪKIŠK-as* (1) 'детский' от *vaīk-as* (4) ребенок. Как видно из примеров, с помощью таких аффиксов образуются существительные 1-ой и 3-ей а. п.

Некоторые усиливающие аффиксы получают ударение в производном слове, а некоторые остаются безударными. Так, всегда ударными являются суффикс *-un(as)* и приставка *prie-*: *beržynas* (1) от *bēržas* (1): *prīemiškis* 'опушка леса' от *mīškas* 'лес'. Не получают ударения такие усиливающие аффиксы, как суффикс *-īšk(as)* и приставка *-be*: *ūkiškas* (1) 'хозяйственный' от *ūkis* (1) 'хозяйство', *begiņklis* (2) 'безоружный' от *giņklas* (2) 'оружие'. Безударные усиливающие суффиксы также можно разделить на группы по их месторасположению относительно ударных морфем. Например, суффикс *-īšk(as)* можно охарактеризовать как доминантный усиливающий послеударный аффикс, приставку *-be* — как доминантный усиливающий передударный.

Доминантные ослабляющие аффиксы ослабляют основу или сохраняют ее слабость. Примером такого аффикса может служить суффикс *-in(as)*: *dūlkin-as*, *-Ā* (3^a) 'пыльный' от *DŪLK-Ē* (1) 'пыль', *puīvin-as*, *-Ā* (3^b) 'грязный' от *puīv-as* (4) 'грязь'. Чаще всего производные слова, образованные с помощью таких аффиксов, относятся к 3-ей а. п.

Как уже говорилось, аффиксы, не оказывающие влияния на акцентные свойства производной основы, принято называть недоминантными. Как место ударения, так и интонация в производном слове соответствуют месту ударения и интонации производящего слова. К таким аффиксам можно отнести приставку *ne-* и суффикс *-toj(as)*: *nedraūgas* (4) 'недруг' от *draūgas* (4) 'друг', *mókytojas* 'учитель' от *mókyti* 'учить'.

Нужно упомянуть еще один тип аффиксов, считающийся переходным между разрядом доминантных и разрядом недоминантных аффиксов. Для примера рассмотрим суффикс *-in(is)*. Он усиливает или оставляет сильной основу, то есть действует как доминантный усиливающий

аффикс. Однако то, какая морфема получает ударение, зависит не от суффикса, а от акцентных свойств основы: сильные основы ударение сохраняют, а слабые — «отдают» ударение суффиксу: *júrinis* (1) ‘морской’ от *júra* (1), *darbìnis* (2) от ‘рабочий’ от *dárbas* (3).

Несколько иначе смотрит на акцентуацию производных слов А. В. Андронов [Andronovas 1995: 97–99]. По его мнению, в составе производной основы также следует выделять сильные и слабые морфемы, тогда как словообразовательный формант усиливает или ослабляет не всю основу, а соседнюю морфему, напр., *vai̯k-as* (4) ‘ребенок’, но *VAĪK-₊išk-as* (1) ‘детский’. Это позволяет ему определить акцентологически слабые морфемы как способные получать ударение исключительно в начальной позиции в слове, а акцентологически сильные как могущие нести ударение в любой позиции (также в середине слова, где перед ними стоят акцентологически слабые морфемы).

Акцентуация глаголов

Акцентуация глаголов не представляет собой такую сложную и разветвленную систему, как акцентуация существительных. В отличие от имен, для глаголов не характерно противопоставление сильных и слабых основ и окончаний. Единственное перемещение ударения между основой и окончанием происходит под влиянием аттрактивных окончаний 1-ого и 2-ого лиц ед. ч., на которые ударение переходит с краткого и циркумфлексного слогов, например: *ein-ù* ‘иду’, *ein-ì* ‘идешь’, но *eĩn-ate* ‘идем’, *eĩn-ate* ‘идете’. Если же в корне глагола акутовая интонация или если ударение в форме 3-его л. падает не на последний слог основы, окончания 1-ого и 2-ого лиц ед. ч. ударения не получают: *bég-u* ‘бегу’, *bég-i* ‘бежишь’; *váikšćioj-u* ‘гуляю’, *váikšćioj-i* ‘гуляешь’.

По мнению Б. Стунджи, производные глаголы имеют сильные основы и слабые окончания. Что касается производных глаголов, образованных при помощи суффиксов, то доминантные суффиксы влияют только на место ударения в пределах основы и не затрагивают ее отношений с окончанием, описанных выше [Stundžia 1995: 118–145]. Это не совпадает с точкой зрения А. В. Андронова [Andronovas 1995: 98–99], который, во-первых, характеризует с точки зрения акцентной силы и слабости все входящие в глагольную словоформу морфемы, а во-вторых, считает слабыми не только личные окончания, но и корни глаголов. Однако, по его мнению,

слабые глагольные корни могут быть усилены другими морфемами (некоторые из которых оказывают усиливающее действие на корень лишь в определенных условиях), напр., *pa-raš-Ÿ₋ti* ‘написать’ — *pa-RĂŠ₋o* ‘пишут’ — *pa-RĂŠ₋é* ‘(они) написали’.

Более сложную систему правил представляет собой акцентуация приставочных глаголов в настоящем и прошедшем времени. Дело в том, что в личных формах глагола ударение при определенных условиях переходит на приставку. Б. Стунджа [Studžia 1995: 147] интерпретирует данное явление по аналогии с переходом ударения на аттрактивные окончания в именной парадигме, так как в обоих случаях акутовый корень сохраняет ударение (хотя аналогия действительна не для всех случаев), ср. *baĩgè* ‘(они) заканчивали’ — *pàbaigè* ‘(они) закончили’, *žāda* ‘обещают’ — *nèžada* ‘не обещают’, но *láukè* ‘(они) ждали’ — *neláukè* ‘(они) не ждали’. А. В. Андронов [Andronovas 1995: 98–99] считает, что ударение приставке отдают слабые корни (см. ниже).

Часть 2. Акцентуация в поэзии С. Нерис

Глагольные формы

Личные формы глаголов

Акцентуация личных форм глаголов в тексте поэмы, а также в других поэтических текстах С. Нерис не отличается от литературной нормы за исключением одного единственного случая, а именно:

Àtūžia nuo miško

Įžeisti žalčiai...

Мчатся из лесу

Оскорбленные ужи...

[Eglė žalčių karalienė, с. 63]

В литературном языке форма наст. вр. 3 л. от глагола *atūžti* ‘мчатся’ имеет ударение на корне, т. е. *atūžia*. В бессуффиксальных формах настоящего времени *a*- и *i*-спряжения ударение переходит на приставку, если корневой слог краток, напр., *pagūlti* ‘придавить’, но *pàgula* [Andronovas 1995: 98]. Между тем корневой слог в *atūžia* является долгим.

Этот случай рассматривается А. Пупкисом в книге «Основы языковой культуры» [Pupkis 1980: 98] как речевая ошибка, имеющая место в разговорном языке. Он отмечает, что неверным считается произношение форм приставочных глаголов *ia*- и *i*- основ, имеющих циркумфлексный корень, с ударением на приставке, например: *pàtyli* от *patylėti* ‘молчать’ вместо *patỹli*.

С точки зрения морфологической акцентологии ударность корня в формах литературного языка типа *atūžia*, *patỹli* А. В. Андронов [Andronovas 1995: 98–99] объясняет тем, что в настоящем времени морфема, имеющая в своем составе долгий слог, является акцентологически сильной, тогда как морфема, имеющая в качестве экспонента краткий слог (как в *pàgula*) — слабой. Точнее, изначально любой глагольный корень является слабым, однако основообразующие форманты *-ia*, *-i* (традиционно рассматриваемые как окончания) усиливают те из них, которые содержат долгие слоги, ср. *pà-suk*-(+)a ‘поворачивают’, *iš-rav*-(+)i ‘пропалывают’ но *pa-BAIG*-(+)ia

‘заканчивают’. По-видимому, в языке С. Нерис (и литовской разговорной речи в целом) основообразующие форманты этим свойством не обладают и ведут себя одинаково в отношении как долгих, так и кратких корней, так что анализируемая нами форма будет целиком состоять из слабых морфем: *àt-ūž-ia* (вместо *at-ŪŽ-₊ia*).

Причастия

В тексте поэмы встретилось довольно много примеров причастий, ударение в которых не соответствует нормам литературного языка. Все эти примеры можно условно подразделить на две подгруппы.

I. Во-первых, это случаи, когда ударение остается на корне вместо того, чтобы перейти на окончание. В основном это формы причастий страдательного залога прошедшего времени женского рода единственного числа или мужского рода множественного числа. По правилам литературного языка от приставочных первичных глаголов с кратким или циркумфлексным корнем образуются причастия, которые относятся к а. п. 3^b, напр. *atneštà* (3^b) ‘принесенная’ и *atneštì* (3^b) ‘принесенные’ от *atnèšti* ‘принести’. От бесприставочных первичных глаголов с кратким или циркумфлексным корнем образуются причастия 4-ой а. п.: *šauktà* (4) ‘та, которую позвали’ и *šauktì* (4) ‘те, которых позвали’ от *šaukti* ‘кричать, звать’, *neštà* и *neštì* от *nèšti* ‘нести’, а от приставочных и бесприставочных глаголов с акутовым корнем — причастия 3 а.п.: *lauktì* (3) ‘те, которых ждали’ от *láukti* ‘ждать’ [DLKG: 363]. У С. Нерис, тем не менее, обнаруживаем формы с ударением на корне:

...Kai brolių **nubárta**

Rajūry verkei.

Когда, обруганная братьями,

Плакала на морском берегу.

[Eglė žalčių karalienė, с. 34]

Krištolinės taurės —

Indai puotai **skirti**...

Хрустальные кубки —

Посуда, предназначенная для пира.

[Eglė žalčių karalienė, с. 43]

В литературном языке формам *nubárta* от *nubárti* ‘выругать’ и *skirti* от омонимичного *skirti* ‘отделять, выделять, назначать’ соответствовали бы формы *nubartà* и *skirtì*.

Нужно отметить, что в тексте встречаются те же формы причастий, в которых пометка ударения соответствует нормам литературного языка. Для примера возьмем такие строки:

— Ku-kū, kraitvežėliai!

Ku-kū, apgauti!

— Ku-ku, vезущие приданое!

Ku-ku, обманутые!

[Eglė žalčių karalienė, с. 27]

Употребление автором форм с ударением на корне, по крайней мере на первый взгляд, не подчиняется никаким закономерностям. Также необходимо иметь в виду, что даже в литературном языке формы с ударением не на окончании употребляются довольно часто и не являются грубым отступлением от нормы. Как указывает та же DLKG, под влиянием говором ударение на корне могут иметь формы с акутовой интонацией, что соответствует нашим примерам.

Место ударение у данных форм причастий также можно описать в терминах морфологической акцентологии. Их акцентуация, с одной стороны, связана с акцентуацией инфинитива, от основы которого они образованы, а с другой стороны, имеет общие черты с акцентуацией именных частей речи, поскольку страдательные причастия изменяются по падежам и числам как прилагательные.

По мнению А. В. Андронова, изложенному в статье 1995 г., формант инфинитива является доминантной морфемой, усиливающей стоящую перед ним морфему, напр., *pa-SŪK-₊ti* ‘повернуть’, *pa-BAĪG-₊ti* ‘закончить’, *su-KŪR-₊ti* ‘создать’ (а также *pa-raš-Ÿ-₊ti* ‘написать’, *iš-rav-Ė-₊ti* ‘прополоть’) [Andronovas 1995: 98–99]. Можно было ожидать, что формант страдательных причастий прошедшего времени *-t-* будет вести себя аналогичным образом, однако сходство ограничивается производными глаголами, напр., *(pa)-kart-Ō-₊t-as* ‘повторенный’, *(pa)-kart-Ō-₊t-A* ‘повторенная’ от *(pa)-kart-Ō-₊ti* ‘повторить’. Если причастие образовано от первичного глагола, суффикс *-t-*, по-видимому, не усиливает корень: *nu-bar-t-À*, *skir-t-Ī*. Тем не менее, в языке С. Нерис суффикс *-t-*, вероятно,

мог действовать как усиливающая морфема независимо от типа глагола: *nu-BĀR-₊t-A*, *SKĪR-₊t-I*.

Судя по тому, что в литературном языке под влиянием диалектов накоренное ударение получают именно формы с акутовой интонацией (см. выше), можно предположить, что формант страдательных причастий здесь имеет тенденцию усиливать только акутовые корни первичных глаголов (ср. акцентуацию прошедшего времени первичных глаголов, где подобным образом ведет себя основообразующий суффикс *-é*: *pà-baig-é* '(они) закончили', ср. *baĩgè* '(они) заканчивали', но *su-KŪR-₊é* '(они) создали')

II. Ко второй группе можно отнести другие три случая, в которых, напротив, вместо корневого слога ударение падает на исход формы (окончание или особый формант, при помощи которого образуются краткие формы действительных причастий).

1) По правилам литературного языка действительные причастия настоящего времени сохраняют ударение основы настоящего времени, от которой они образованы, напр., *tỹlinti* от *tỹli* 'молчат' (наст. вр. от *tyléti*). Однако в тексте поэмы есть такие строки:

...Eglè žodį taria
Lūrom **drebančioñ**.
...Ель произносит слова
Дрожащими губами.

[Eglè žalčių karalienė, с. 13]

Причастие *drebančioñ* образовано от формы наст. вр. *drēba* глагола *drėbėti* 'дрожать', и норме соответствовала бы форма *drēbančiom* [DLKG: 355]. Как видно, в тексте С. Нерис ударение, в отличие от литературной нормы, перешло на окончание.

Если переформулировать данное правило в терминах морфологической акцентологии, то получится, что формант настоящего времени, от основы которого образуются соответствующие причастия, в литературном языке усиливает не только корни определенного типа (ср. *sù-kur-ia* 'создают', но *pa-BAĪG-₊ia* 'заканчивают'), но любые глагольные корни, независимо от долготы или краткости составляющих их слогов, напр., *su-KŪR-₊ia-nt-IS* 'создающий', *pa-BAĪG-₊ia-nt-IS* 'заканчивающий'. Что касается встреченной у С. Нерис формы *drēb-a-nč-IOM* с ударением на сильном окончании, то, скорее всего, из нее следует, что в формах

причастий действительного залога основообразующий суффикс настоящего времени не является доминантным не влияет на акцентные свойства корня, каким бы не был его состав.

2) Ударение должно было сохраниться на корне и в форме действительного причастия настоящего времени мужского рода множественного числа от глагола *vežtis* 'везти с собой'. См.:

Jie, girdi, **vežsi**

Ne martelę, ne...

Они, слышишь, якобы везут

Не невесту, нет...

[Eglė žalčių karalienė, с. 23]

Литературной норме соответствовала бы форма *vežsi*, так как в возвратных формах действительных причастий настоящего времени ударение не переходит на финаль, или конечный формант причастия, несмотря на тот факт, что подобное перемещение ударения имеет место в невозвратных формах, ср. *nėšsis* 'несущий с собой', *nėšsi* 'несущие с собой' (от *nėstis* 'нести с собой'), но *nėšs* 'несущий', *nėš* 'несущие' от невозвратного глагола *nėsti* 'нести' [DLKG: 356, 366].

Сопоставление акцентуации полной и краткой формы действительного причастия настоящего времени (*NEŠ[̇]-₊a-nt-IS* — *neš-ĀS*) заставляет предположить, что формант краткой формы, в составе которого на современном этапе доминантный основообразующий суффикс настоящего времени практически не вычленяется, является сильной недоминантной морфемой, перед которой слабый глагольный корень остается слабым и безударным. Зато, по-видимому, как доминантный ослабляющий (и слабый) ведет себя показатель возвратности, который делает формант *-q(s)* слабым, так что в последовательности слабых морфем ударной оказывается первая из них: *nėš-qs-is*, *nėš-q-si*. Как следует из формы *vežsi*, в языке С. Нерис для показателя возвратности доминантность не характерна, т. е. *veš-Ā-si*.

3) Также следует отметить несоответствующее литературному ударение в возвратной форме полупричастия женского рода множественного числа от глагола *léistis* 'спускаться, садиться':

Jas rausvai nudažo

Saulė **leisdamōs**.

Их раскрашивает в розовый цвет
Солнце, заходя.

[Eglė žalčių karalienė, с. 8]

В соответствии с нормами литературного языка ударение у возвратных форм полупричастия остается на корне, напр., *baĩgdamasi* от *baĩgtis* ‘кончатся’ [DLKG: 366], т. е. данная форма имела бы вид *léisdamos*. При этом невозвратные формы полупричастий, образованных от непроизводных глаголов, характеризуются ударением на окончании: *baig-dam-À* ‘заканчивая’, *leis-dam-À* ‘пускающая’. Таким образом, стоящие перед сильным окончанием морфемы (корень и формант полупричастия), являются слабыми. Очевидно, в литературном языке показатель возвратности ослабляет предшествующую морфему (ср. *neš-ĀS* и *nėš-qs-is*), на месте которой в данном случае оказывается окончание, т. е. *baĩg-dam-a-_si* или *baĩg-dam-a-_si* (альтернативная форма жен. рода ед. числа с формантом *-o-*, которую использует С. Нерис). Как и в кратких формах действительного причастия настоящего времени, ударение оказывается на первой из слабых морфем. Однако в языке С. Нерис показатель возвратности не является доминантным ослабляющим аффиксом, и потому ударение остается на окончании, которое сохраняют свои акцентологические свойства: *leis-dam-Ō-s*.

Прилагательные

Непроизводные прилагательные

В поэзии С. Нерис не раз встречаются прилагательные, акцентные свойства которых могут отличаться от принятых в литературном языке. Начать нужно, пожалуй, с прилагательного *baltas* ‘белый’. Обратимся к таким строкам из стихотворения «Iš Beklino paveikslo» (С картины Беклина):

Vėjas linguoja topolius juodus,

Vakaru gaubias **bálta** pilis.

Ветер качает черные тополи,

Вечер накрывает белый замок.

[Raštai, I, с. 121]

Литературной считается форма этого прилагательного женского рода единственного числа с ударением на окончании (*baltà*), так как

прилагательное *báltas* относится к 3-ей а. п., а значит, в этой форме ударение должно переходить на сильное окончание. Но в DLKŽ указаны два варианта прилагательного: *báltas* (3), -à и *báltas*, -a (1), встречающийся в диалектах. Правда, среди диалектов, в которых распространена форма с 1-ой а. п., не упоминается говор, к которому принадлежит С. Нерис, а упомянуты три области, относящиеся к северножемайтскому диалекту.

Об акцентуации прилагательного *báltas* говорится и в книге «Акцентология Даукши» П. Скарджюса. «Прилагательные *báltas* и *kiáuras* ‘дырявый’ раньше могли быть такими же баритонами⁵, как и *pìlnas* ‘полный’. Это отчасти сохранилось в современном языке, например: им. п. ед. ч. *bálta*, *kiáura*, им. п. мн.ч. *bálti* и др.» [Skardžius 1935 : 151]. По Скарджюсу, формы этого прилагательного с накоренным ударением встречаются в речи жителей г. Салантай, где распространен северножемайтский диалект.

В том же стихотворении находим еще одну форму прилагательного с нетрадиционными акцентными свойствами. Речь идет о прилагательном *šaltas* ‘холодный’:

Vieniša, liūdna tuos baltuos rūmuos —

Jūra — belaivė, šálta naktis

В этих белых замках одиноко, грустно —

В море нет кораблей, холодная ночь.

[Raštai, I, с. 121]

Как и в предыдущем случае, можно было бы ожидать, что в форме женского рода единственного числа ударение перейдет на сильное окончание (*šaltà*). Однако оно осталось на корне. DLKŽ вновь дает два варианта акцентуации: *šáltas* (3), -à, *šáltas*, -a (1). Однако на этот раз список источников, в которых встречается данная форма, намного длиннее. А именно, 1-ая а. п. для данного прилагательного указывается в таких словарях, как первый польско-латинско-литовский словарь Сирвидаса «*Dictionarium trium linguarum*», датируемый 1620 г., литовско-немецкий и немецко-литовский словарь от 1747 г., а также словарь Нессельмана (1851 г.). Источники, в которых это прилагательное употребляется с 3-ей а. п., относятся к более позднему периоду. Так, среди перечисленных словарей самый архаичный — литовско-немецкий словарь, изданный в 1883 г. Вероятно, это говорит о том, что форма прилагательного с 1-ой а. п.

⁵ То есть имели неподвижное ударение на корне.

является более архаичной. Также примечательно, что в DLKŽ упоминается лишь один населенный пункт, где встречается данная форма, и на этот раз это г. Синтаутай в Шакияском районе Литвы, который входит в область распространения каунасского говора западно-аукштайтского диалекта, родного для С. Нерис.

Наконец, в этом стихотворении можно заметить еще одну форму прилагательного с необычной акцентуацией. Это прилагательное *vienišas* ‘одинокий’:

Ūžianti jūra — mano paguoda,

Vieniša jūra — verkia vilnis.

Шумящее море — мое утешение,

Одинокое море — плачет волна.

[Raštai, I, с. 121]

Опять-таки литературной норме соответствует форма *vienišà* с ударением на окончании. Однако если мы обратимся к DLKŽ, то обнаружим, что в нем это слово указано в первую очередь именно с 1-ой а. п.: *vienišas*, -a (1), *vienišas*, -a (3^a) Источники, то есть словари, в которых указан тот или иной вариант, в данном случае не проясняют ситуацию: например, «Dabartinis lietuvių kalbos žodynas» (1954 г.) упоминается и для первого, и для второго варианта. Установить, какая из форм может быть более архаичной, опираясь на эти данные, сложно. Что же касается различий в употреблении этих форм, связанных с диалектными особенностями, то для варианта с 1-ой а. п. указан населенный пункт, относящийся к южножемайтскому говору.

Свои акцентные свойства в поэзии С. Нерис меняет и прилагательное *skaistus* ‘светлый, яркий, красивый’. Удалось выявить два интересных для рассмотрения случая:

Ten **skáisti** saulė teka. —

Ten mirti nieks nebijo.

Там восходит яркое солнце. —

Там никто не боится умирать.

[Raštai, I, с. 190]

Šventa mum vėliava jų **skáisti**

Ir nepalaužiama valia.

Для нас свято их яркое знамя
И непоколебимая воля.

[Raštai, I, с. 472]

Перед нами вновь форма женского рода единственного числа, в которой ударение не соответствует литературной норме. В литературном языке это прилагательное принадлежит к 4-ой а. п., и ударение должно быть на окончании: *skaistì*. Обратимся вновь к DLKŽ. Здесь указаны две возможные формы: во-первых, традиционный вариант *skaistùs, -ì* (4), а во-вторых, опять-таки вариант с 1-ой а. п.: *skáistus, -i* (1). Проанализировав источники, которые указаны в словарной статье, можно прийти к следующим выводам. По-видимому, форма *skáistus, -i* (1) является более архаичной, так как упоминается в том числе в словарях, относящихся к более раннему периоду, например немецко-литовский словарь неизвестного автора, датируемый XVII в., литовско-немецкий и немецко-литовский словарь, изданный в 1747 г., а также собрание сочинений Лауринаса Ивинскиса (1810 — 1881 гг.). Самый ранний письменный источник, в котором у прилагательного *skaistus* 4-ая а. п., — это литовско-прусский словарь, вышедший в 1883 г. Что касается областей распространения форм с 1-ой а. п., то указано два населенных пункта, один из которых находится в Шакияйском районе Литвы, входящем в область распространения каунасского говора западно-аукштайтского диалекта.

Еще одно прилагательное, употребление форм которого стоит рассмотреть в контексте данного исследования, — это прилагательное *rūstus* ‘гневный, суровый’. Представляют интерес два случая его употребления:

Ateik! Nekalbėk, būki rūstus, —
Aš džiaugsiuos tavim ir tokiu.
Приходи! Ничего не говори, будь суровым —
Я буду рада тебе и такому.

[Raštai, I, с. 280]

Skundėš, verkė, aimanavo
Jūros balsas rūstus...
Жаловался, плакал, причитал
Грозный голос моря.

[Raštai, I, с. 298]

В литературном языке это прилагательное имеет 3-ю а. п., и в форме мужского рода единственного числа ударение переходит на окончание. Однако в вышеприведенных случаях оно действует как прилагательное 1-ой а. п. В DLKŽ̃ указано, что это прилагательное может иметь троякую акцентуацию: *rūstūs*, -ì (4), *rūstūs*, -ì (3), *rústus*, -i (1). Вновь для всех трех форм приведены источники, в которых они встречаются. Что касается интересующего нас варианта *rústus*, -i (1), то здесь приведена ссылка на «Граматику литовского языка» и на сочинения Н. Даукши.

Если обратиться к соответствующему разделу «Граматики литовского языка», то можно найти следующее объяснение. Форма прилагательных на *-us* с ударением на корне более архаична. «Почти все прилагательные с акутовой интонацией на корне сейчас перешли в разряд прилагательных 3-ей а. п., а прилагательные с циркумфлексной и краткой интонацией на корне — в число прилагательных с 4-ой а. п.» [LKG 1965: 538]. Однако в диалектах еще можно обнаружить более архаичные формы прилагательных с ударением на корне: *brángus* ‘дорогой’, *támsus* ‘темный’, *smárkus* ‘сильный’. Среди перечисленных примеров находим и интересующее нас прилагательное с ударением на корне: *rústus*. Указано, что такая форма встречается в речи жителей это г. Синтаутай в Шакайском районе Литвы. Этот населенный пункт, как уже отмечалось, находится в области распространения каунасского говора западно-аукштайтского диалекта.

Следует упомянуть и еще один интересный случай несоответствия ударения норме. В стихотворении «*Prieblandos ir snaigès*» (Сумерки и снежинки) есть такие строчки:

Mėlynos sutemos verpia sapnus.

Plazda padange **bá**lti sparnai.

Синие сумерки прядут сны.

Бьются в поднебесье белые крылья.

[Raštai, I, с. 113]

Žiema — ir gėlės — **ra**ūsvi žiedai, —

Sniegas — ir juodo kraujo kraujo lašai...

Зима — и цветы — розовые цветки, —

Снег — и капли черной крови...

[Raštai, I, с. 113]

Об акцентуации прилагательного *báltas* говорилось выше, а что касается формы *raĩsvi* (муж. р. мн. ч.), то литературной норме соответствовала бы форма *rausvi* с ударением на окончании, образованная от прилагательного *raĩsvas* (4) ‘розовый’. Можно предположить, что здесь имеет место то же явление, что и в случаях, рассмотренных выше: прилагательное имеет иную акцентную парадигму, чем в литературном языке. Но, что интересно, в DLKŽ форма с другой акцентной парадигмой не указывается, в отличие от прилагательных, о которых уже шла речь. То есть возможно, что акцентные свойства прилагательного *raĩsvas* могут отличаться от нормы только у С. Нерис, а не во всем диалекте.

Нужно учитывать и тот факт, что в этом стихотворении нечеткий размер, сложно точно сказать, куда в этих словах падает ударение. Об этой особенности лирики С. Нерис писал В. Гирдзияускас в книге «Литовское стихосложение» (подробнее об этом явлении см. далее).

Нетрудно заметить, что во всех случаях, приведенных выше, можно говорить об одном и том же явлении: прилагательные, относящиеся в литературном языке к 3-ей и 4-ой а. п. в языке С. Нерис могут относиться к 1-ой а. п. Рассмотрим несоответствие ударения литературной норме в непроемных прилагательных с точки зрения морфологической акцентологии.

В литературном языке у интересующих нас прилагательных *báltas*, *-à*, *šáltas*, *-à*, *vienišas*, *-à*, *skaistùs*, *-ì*, *rùstùs*, *-ì* акцентологически слабые основы, так как ударение переходит на сильные окончания: *bált-as*, *balt-À*, *šált-as*, *šalt-À*, *vieniš-as*, *vieniš-À*, *skaist-ÛS*, *skaist-Ì*, *rùst-ÛS*, *rùst-Ì*. Однако, по—видимому, в говоре С. Нерис эти прилагательные могли иметь сильную основу, которая удерживает ударение перед сильными окончаниями: *BÁLT-as*, *BÁLT-A*, *ŠÁLT-as*, *ŠÁLT-A*, *VÍENIŠ-as*, *VÍENIŠ -A*, *SKÁIST-US*, *SKÁIST-I*, *RÚST-US*, *RÚST -I*.

Прилагательные с суффиксом **-ét(as)**, **-ét(a)**

Довольно интересным для анализа представляется еще один случай несоответствия ударения литературной норме в одной из форм прилагательного. В тексте рассматриваемой поэмы такой пример встретился лишь однажды, однако при дальнейшем анализе лирических произведений поэтессы удалось выявить еще три подобных примера. Речь идет о

прилагательных *saulétas* ‘солнечный’ и *žvaigždétas* ‘звездный’. Приведем все четыре случая:

Žengia karaliūnas

Sáulėtu keliu.

Шествует царевич

По солнечной дороге.

[Eglė žalčių karalienė, с. 34]

Dainuok, širdie, gyvenimą:

Padangę **sáulėtą** ir gryną...

Воспевай, сердце, жизнь:

Поднебесье солнечное и чистое...

[Raštai, I, с. 263]

Sodai, **sáulėti** rajūriai, —

Žaidžia smėlyje vaikai...

Сады, солнечные побережья, —

Дети играют в песке...

[Raštai, I, с. 271]

O gaila, gaila! juodas Dunuoju!

Valandos bėga — lyg **žvaigždėtos** srovės...

О, жалко, жалко! черный Дунай!

Часы бегут, словно звездные потоки...

[Raštai, I, с. 124]

Как видно из приведенных выше строк, ударение в формах с суффиксом *-ét(as)* остается на корне, тогда как соответствующей литературной норме считается форма с ударением на суффиксе (*saulétas*, *žvaigždétas*). По такой же модели с тем же ударением на суффиксе образуется целый ряд прилагательных: *dulkėtas* ‘пыльный’, *gėlėtas* ‘покрытый цветами, цветистый’ и т.д.

Акцентуация прилагательных с суффиксом *-ét(as)* неоднократно анализировалась в литературе. Так, в «Грамматике литовского языка» об употреблении этого суффикса сказано следующее: «В диалектах некоторые прилагательные с этим суффиксом, образованные от существительных с неподвижным ударением, сохраняют ударение на корне, например: *béržėtas* ‘заросший березами’, *dūmšlėtas* ‘морщинистый’, *garánkštėnas* ‘узловатый’ [LKG

1965: 538]. Ср.: *béržas* (1)⁶ ‘береза’, *dùmšlė* (1) ‘морщина’, *garánkštis* (1) ‘узел’. (Правда, среди областей, в которых могут, по «Грамматике», встречаться данные формы, не упоминается район, из которого родом Саломея Нерис, а упомянуты только три населенных пункта, в которых распространен совсем другой диалект — северожемайтский и южножемайтский.)

Исследованию данного явления посвящена одна из статей А. Гирдяниса [Girdenis 1972]. Согласно выдвинутой им теории, «ударение в суффиксах имен существительных и прилагательных сформировалось в результате закона де Соссюра. До действия этого закона производные слова сохраняли акцентуационную парадигму производящих слов. В дальнейшем суффиксальное ударение подверглось распространению, однако некоторые реликты более древней акцентуационной модели сохраняются в говорах» [Girdenis 1972: 265].

Как пишет А. Гирдянис, в литовском языке не существует четких правил постановки ударения в производных словах, образованных с помощью суффиксов. Но все же в современном литовском языке доминирует такая акцентуационная модель, при которой в производном слове ударение получает суффикс.

Наряду с этой наиболее распространенной моделью есть и другая, при которой ударение получает корень. Чаще всего корень получает ударение в словах, образованных с помощью суффикса с акутовой интонацией. В таких случаях в корне также почти всегда акутовая интонация (ср. *dėdīenė* ‘тетя (жена дяди)’ от *dėdė* ‘дядя’, но *brólienė* ‘невестка (жена брата)’ от *brólis* ‘брат’), а если это не так, то между суффиксом и ударным корневым слогом присутствует еще один безударный слог: *pernųkštis* ‘прошлогодний’ : *ųžpernykštis* ‘позапрошлогодний’. То есть во всех случаях, когда суффикс с акутовой интонацией не несет ударения, корень этого слова обязательно имеет акцент, либо ударный слог и суффикс разделяет безударный слог.

Исходя из этого, А. Гирдянис делает вывод, что акцентуационные модели «ударный акутовый корень + безударный акутовый суффикс»

⁶По данным «Большого словаря литовского языка» (*Didysis lietuvių kalbos žodynas*, далее — DLKŽ). В современном литературном языке слово *béržas* имеет третью акцентную парадигму: *béržas* (3). В DLKŽ для этого существительного указаны два варианта акцентной парадигмы *béržas* (3) и *béržas* (1), так как в этом словаре отображаются все возможные варианты акцентуации, в том числе диалектные.

(*brólienė*) и «безударный неакутовый корень + ударный акутовый суффикс» (*dėdėienė*) сформировались как результат закона де Соссюра. Акутовый суффикс начал получать ударение тогда и только тогда, когда в корне была не акутовая интонация и между ударным слогом и суффиксом не было промежуточного безударного слога.

Очевидно, что в период, предшествующий действию закона де Соссюра, суффиксы ударения не получали. По сути, существовало две а. п.: 1-ая и 3-я, то есть ударение в слове могло либо всегда оставаться на корне (*úosynas* ‘ясеневый лес’ — NPl *úosynai*), либо переходить с корня на окончание (*bėržynas* ‘березняк’ — NPl *bėržynai*). После действия закона де Соссюра вместо двух акцентуационных моделей (с неподвижным и подвижным ударением) появилось четыре: *úosynas* — *úosynai*, *bėržynas* — *bėržynai* (с ударением на корне) *pušynas* ‘сосновый лес’ — NPl *pušynai*, *alksnynas* ‘ольховый лес’ — NPl *alksnynai* (с ударением на суффиксе).

Однако такая система была слишком неудобной, и из четырех вариантов акцентуации был выбран тот, при котором суффикс несет ударение (как в формах *alksnynas* — *alksnynai*). Причина этого вполне очевидна. Краткие и циркумфлексные корни гораздо чаще встречаются в языке, чем двусложные и акутовые, поэтому после действия закона де Соссюра акутовые суффиксы чаще оказывались ударными, чем безударными. В итоге эту модель переняли и другие слова (*uosynas* — *uosynai*, *bėržynas* — *bėržynai*, *pušynas* — *pušynai*). Хотя, как отмечает А. Гирдянис, повсеместное ударение на суффиксах в современном языке не установилось, такая акцентуационная модель доминирует. Однако в диалектах присутствуют формы, отображающие более архаичную модель с ударением на корне, и к ним, по-видимому, относятся интересующие нас *sáulėtas*, *žvaigždėtas*.

Правда, в цитируемой выше «Грамматике литовского языка» речь идет о сохранении накоренного ударения только у слов, образованных от существительных с неподвижным ударением. Тем не менее, слово *žvaigždė* (4) в литературном языке имеет подвижное ударение и, таким образом, производное от него прилагательное с суффиксам *-ėt(as)* должно было в любом случае выглядеть как *žvaigždėtas*. Но если мы обратимся к DLKŽ, то обнаружим, что для слова *žvaigždė* там указывается не только 4-ая а. п., но и 2-ая, возможная в диалектах (см. также комментарий к слову

béržas в сноске на предшествующей странице). Исходя из этих сведений, ударение в данном случае становится более объяснимым.

С точки зрения морфологической акцентологии способность суффиксов притягивать ударение и менять акцентную парадигму слова можно объяснять различием их акцентных свойств и доминацией. В литературном языке суффикс *-ét(as)* относится к доминантным усиливающим ударным аффиксам, то есть он способен усиливать или оставлять сильной основу, будучи при этом под ударением. Но в диалектах встречаются исключения, здесь большое значение имеют акцентные свойства основы: сильные основы сохраняют ударение, а слабые отдают суффиксу. Таким образом, из разряда доминантных усиливающих аффиксов суффикс *-ét(as)* переходит в разряд переходных между доминантными и недоминантными аффиксами.

Как пишет Б. Стунджа, «в диалектах во многих прилагательных, образованных с помощью суффиксов, например, *-ét(as)* и *-ing(as)*, ударение связано с основой производящего слова: в производных, образованных от слов 1-ой а. п., чаще всего сохраняется место ударения и интонация производящего слова, например: *mĩltingas*, *-a* ‘мучнистый’ от *mĩltai* (1) ‘мука’, *sáulėtas*, *-a* от *sáulė* (1). В прилагательных, образованных от слов других акцентных парадигм, ударение, как правило, переходит на суффикс: *rievėtas* ‘слоистый’ от *rievė* (4) ‘слой’» [Stundžia 1995: 63].

Логичным было бы предположение, что суффикс, ударный в литературном языке, в поэзии С. Нерис может обладать иными акцентными свойствами, благодаря чему ударение остается на корне.

Несогласуемые формы прилагательных

Как указано в «Литовской диалектологии» З. Зинкявичюса [Zinkevičius 1966], в речи представителей каунасского диалекта оттяжка ударения отсутствует, т. е. ударение, в основном, не переходит с окончания на корень. Однако, по «Хрестоматии диалектов литовского языка» [LKTCh 2004], есть ряд форм, в которых ударение не совпадает с литературным языком, падая вместо конечного форманта на основу. В их число входят и несогласуемые формы прилагательных, или, как их традиционно принято называть, формы среднего рода. По правилам литературного языка, ударение в несогласуемой форме падает на конечный формант, если в форме мужского рода единственного числа оно падает на окончание. Другими

словами, от прилагательного на *-us* с ударным окончанием образуются следующие несогласуемые формы: *tvankùs* ‘душный, тяжелый’ — *tvankù*, *malonùs* ‘приятный’ — *malonù*. В диалектах ударение может оставаться на корне. В тексте поэмы встретились две несогласуемые формы с таким ударением. Эти формы образованы от прилагательных *ilgùs* ‘тоскливый’ и *svarbùs* ‘важный’:

...Man be galo **ìlgu**

Brolį, seserę.

...Мне очень тоскливо

Без братьев, сестер.

[Eglė žalčių karalienė, с. 52]

— Eikite, **nesvaĩbu**, —

Sako, — ryt, poryt.

— Идите, неважно, —

Говорит, — завтра, послезавтра.

[Eglė žalčių karalienė, с. 54]

При анализе первого тома собрания сочинений поэтессы обнаружился лишь один пример несоответствия ударения литературной норме в несогласуемой форме прилагательного. В данном случае речь идет о прилагательном *sunkùs* ‘тяжелый’:

Taip **suĩku** buvo man palikt

Dvi pilkos akys — mylimos.

Так тяжело было мне покинуть

Два серых глаза — любимых.

[Raštai, I, с. 89]

Если проследить по тексту поэмы и стихотворений ударение в других таких формах, то выясняется, что во всех остальных случаях ударение соответствует литературной норме:

Girgždena vien pravertos durys.

Viduj **tamsù tamsù**.

Поскрипывают только приоткрытые двери.

Внутри темным-темно.

[Raštai, I, с. 51]

Вновь не совсем ясно, чем обусловлено это ударение в одном и в другом случаях. Логичным было бы предположение, что прилагательные, образующие несогласуемую форму с таким ударением, и в других формах имеют иные акцентные свойства, чем в литературном языке. В тексте поэмы встретились два прилагательных на *-us*, в формах которых ударение не соответствует норме. (Подробнее эти случаи рассматривались выше). Однако таких примеров с прилагательными *ilgùs*, *svarbùs*, *sunkùs* ни в тексте поэмы, ни в тексте первого тома собрания сочинений выявлено не было, их акцентные свойства не меняются:

Žilvinas neširsta, —

Mąsto **neramùs**...

Уж сердится, —

Неспокойный, размышляет...

[Eglė žalčių karalienė, с. 56]

В терминах морфологической акцентологии это явление можно описать следующим образом. Известно, что в несогласуемых формах прилагательных на *-us* ударение всегда переходит на конечный формант *-u*, то есть у таких прилагательных слабые основы, а формант *-u* действует как сильное окончание: *ilg-Û* от *ilgùs*, *svarb-Û* от *svarbùs* и *sunk-Û* от *sunkùs*. Однако в поэзии С. Нерис производные основы некоторых прилагательных являются сильными: *ÌLG-U*, *SVAŘB-U*, *SUÑK-U*.

Формы прилагательного и числительного женского рода единственного числа дательного падежа

В тексте поэмы встретились две интересных для рассмотрения формы прилагательного и числительного, в которых ударение не соответствует литературной норме. Это формы дательного падежа женского рода единственного числа. В литературном языке их окончания не получают ударения, а в поэзии С. Нерис на них иногда переходит ударение. Обратим внимание на формы дательного падежа женского рода единственного числа числительного *vienas* ‘один’ и прилагательного *jaunas* ‘молодой’:

Ta dalia **daluzė**

Skirta man **vienái!**

Эта доля-долюшка
Предназначена мне одной!

[Eglė žalčių karalienė, с. 29]

...Sužydėjo visos gėlės

Man jaunái.

Зацвели все цветы

Для меня, молодой.

[Raštai, I, с. 17]

Это явление легко объяснимо, если учесть особенности формирования литовского литературного языка. Основой для него послужили западноаукштайтские говоры Малой Литвы (Восточной Пруссии), в которых было распространено произношение данных форм с ударением на корне, впоследствии ставшее литературной нормой. Однако в других литовских диалектах, включая каунасский западноаукштайтский говор, распространена другая норма, с ударением на окончании. «В речи представителей западноаукштайтского диалекта ударным является окончание форм прилагательного женского рода единственного числа дательного падежа: *baltái* от *báltas* ‘белый’, *žaliái* от *žālias* ‘зеленый’, *gražiái* от *gražūs* ‘красивый’. Ударение на корне встречается редко. Тем не менее, в литературном языке оно утвердилось, так как в Малой Литве акцентуация этих форм была иной: *báltai*, *žāliai*, *grāžiai*» [Zinkevičius 2006: 198].

Эти формы рассматриваются и П. Скарджюсом в книге «Акцентология Даукши». Здесь указано, что «в сочинениях Даукши формы прилагательных дательного падежа женского рода единственного числа могли иметь два варианта акцентуации, напр., *māžai* от *māžas* ‘маленький’ и *piktái* от *piktas* ‘злой’. Такое ударение сохранилось и в современном языке: *gerái* от *gėras* ‘хороший’, *piktái* Sub., *vienái* Sint. и др. Таким образом, акцентуация в слове *piktái* не следует считать ошибочной» [Skardžius 1935 : 152]. Скарджюс отмечает, что формы с ударением на окончании встречаются в речи жителей г. Синтаутай, находящегося в области распространения каунасского говора западно-аукштайтского диалекта, к которому принадлежит С. Нерис.

Если для объяснения подобных случаев обратиться к морфологической акцентологии, можно прийти к следующим выводам. В литературном языке окончания дат. пад. жен. р. ед. ч. являются

акцентологически слабыми, то есть на них никогда не переходит ударение: *víen-ai, jáun-ai*. Однако в поэзии С. Нерис эти окончания имеют те же акцентные свойства, что и окончания того же падежа мужского рода, то есть становятся акцентологически сильными и принимают на себя ударение, если основа слабая: *vien-ÁI, jaun- ÁI* (ср. с формами муж. р.: *vien-ÁM, jaun- ÁM*).

Местоимения

Как в тексте поэмы, так и в других лирических произведениях С. Нерис встречается местоимение *mane* и *tave* (формы винительного падежа единственного числа от личных местоимений *aš* 'я' и *tu* 'ты') с ударением, которое не соответствует литературной норме:

...Pražudys jie **màne**,
Žūsi tu pati.
...Они меня погубят,
Пропадешь и ты.

[Eglė žalčių karalienė, с. 63]

Eidama pro **tàve** —
Laimė užsimerkia.
Проходя мимо тебя —
Счастье зажмуривается.

[Raštai, I, с. 106]

В литературном языке вместо *màne* и *tàve* должно быть *manè* и *tavè*.

Известно и описано в литературе, что в речи представителей каунасского диалекта, к которому принадлежит С. Нерис, есть слова «с особенным местом ударения» [LKTCh 2004: 41], то есть в некоторых случаях ударение остается на корне, вместо того чтобы перейти на окончание. Случай с местоимением *mane* — один из таких примеров. Как описано в «Хрестоматии...», ударение остается на корне в том числе и в форме винительного падежа единственного числа личных местоимений (*màne, tàve* вместо принятых в литературном языке *manè, tavè*).

Если для объяснения ударения в данных формах обратиться к морфологической акцентологии, то его несоответствие норме можно объяснить следующим образом. По мнению Б. Стунджи, основы местоимений *aš* 'я' и *tu* 'ты' являются слабыми [Stundžia 1995: 40]: ср. Gen *man-ĖS, tav-ĖS*; Acc *man-È, tav-È*; Inst *man-IMĪ, tav-IMĪ*;

Лос *MAN-YJÈ*, *TAV-YJÈ*. По-видимому, в диалекте С. Нерис данные основы (по крайней мере, в винительном падеж) выступают как сильные.

Однако очевидно, что такая акцентуация в произведениях С. Нерис не является повсеместной. Подавляющее большинство составляют примеры с другой постановкой ударения, соответствующей норме:

Močia rūpeštinga

Lerina **manè**...

Заботливая мать

Балует меня.

[Eglė žalčių karalienė, с. 63]

Iki žemės vėtra beržą lanksto, —

Ne berželij — o veikiau **manè**.

До земли нагибает буря березу —

Не березу — а скорее меня.

[Raštai, I, с. 232]

Таким образом, сложно точно сказать, чем обусловлен выбор автора той или иной акцентуации в разных случаях. Очевидно, что для С. Нерис было возможно употребление как одного, так и другого варианта акцентуации. Вероятно, то или иное место ударения было связано с требованиями ритма в каждом конкретном случае.

В «Хрестоматии...» также указано, что в каунасском диалекте ударение на корне сохраняют и такие местоимения, как *tóks* 'такой', *kóks* 'какой', *tokià* 'такая', *kokià* 'такая', выступая как слова 1-ой а. п., а не 3-ей, как в литературном языке. В тексте анализируемой поэмы удалось выявить один пример такой акцентуации, это форма местоимения *jóks*, *-ià* 'никакой':

...**Jóki**ais argavimais

Jų nebsuvilios.

...Никакими обманами

Их не сманить.

[Eglė žalčių karalienė, с. 23]

Как мы видим, в слове *jokia* ударение не перешло на окончание, а осталось на корне, как у прилагательного 1-ой а. п.

С точки зрения морфологической акцентологии это явление можно объяснить следующим образом. В литературном языке данные местоимения

имеют слабую основу, и ударение переходит на сильные окончания: *tók-s*, *tok-IA*, *kók-s*, *kok- IA*. Очевидно, что в диалекте С. Нерис возможны формы этих местоимений с сильной основой: *TÓK-s*, *TÓK-IA*, *KÓK -s*, *KÓK-IA*.

Существительные

Место ударения в двусложных окончаниях существительных

В тексте поэтических произведений Нерис встретился целый ряд примеров существительных, в формах которых ударение падает не на последний слог окончания, как в литературном языке, а на первый. Приведем два таких случая:

Ugniaviečių karštų žarijos
Kerštu **širdýse** težèruos...
Жар горячих огневых точек
Пусть сверкает мстью в сердцах...
[Raštai, I, с. 351]

Sutemóse verkia smuikas.
Verkia alpstanti siela.
В сумерках плачет скрипка.
Плачет жаждущая душа.
[Raštai, I, с. 29]

По норме литературного языка, эти формы должны выглядеть так: *širdysè* от *širdìs* (3) 'сердце', *sutemosè* (3^b) от *sutemà* 'сумерки', так как у существительных 3-ей а. п. любого типа склонения в форме местного падежа множественного числа ударение переходит на сильное окончание.

Также были выявлены две формы существительного *bangà* (4) 'волна', ударение в которых на том же первом слоге окончания:

O **bangóse** plauko
Kruvini gaisai.
А по волнам плывет
Кровавое зарево.
[Eglė žalčių karalienė, с. 13]

Aš su **bangómis** žaisiu ir šoksiu,
Vėjų laisvųjų dainas dainuosiu.

Я сыграю и станцую с волнами,
Спою песни свободных ветров.

[Raštai, I, с. 27]

Соответствующими литературной норме были формы *bangosè* и *bangomìs*.

В «Акцентологии Даукши» П. Скарджюса находим такое утверждение: «В формах некоторых падежей прилагательных ударение падает не на само окончание, а на основообразующий гласный (в современном языке принадлежащий окончанию — А. Ш.), напр., *gražùmìs* от *gražùs* ‘красивый’ *tikrómìs* от *tikras* ‘настоящий’» [Skardžius 1935: 150]. Возможно, в случае с упомянутыми существительными имеет место аналогичное явление.

Иные случаи несоответствия ударения литературной норме в поэзии С. Нерис

Как уже отмечалось, среди отклонений от литературной нормы в поэзии С. Нерис можно выделить два типа: несоответствия, которые можно объяснить влиянием родного диалекта поэтессы, и отклонения, обусловленные особенностями ритма. Хотя основным предметом изучения в данной работе является, безусловно, первый тип отклонений, необходимо дать краткое описание и тех случаев, когда акцентуацию нельзя объяснить влиянием диалекта.

Практически в любом поэтическом тексте встречаются случаи, когда автору важнее соблюсти ритмическую четкость, чем сохранить верное ударение в слове. В связи с этим Б. Стунджя выделяет два типа ударения — метрическое и грамматическое [Stundžia 1995: 26]. Желательна такая акцентуация, при которой метрическое ударение соответствует грамматическому, однако даже наиболее выдающимся поэтам подчас не удается избежать трансакцентуации, то есть случаев, когда грамматическим ударением пренебрегают. В частности, как отмечает Б. Стунджя, примеров трансакцентуации довольно много в поэзии С. Нерис. В ранней лирике их больше по сравнению с лирикой более позднего периода.

То же явление отмечает и В. Гирдзияускас в книге «Литовское стихосложение» [Girdzijauskas 1979: 274]. Здесь так же указано, что в первом сборнике поэтессы «Anksti rytą» (Рано утром) слов с неверным местом

ударения достаточно много, тогда как в сборниках, вышедших позже, их количество уменьшается.

Действительно, как в тексте поэмы, так и в тексте первого тома собрания сочинений С. Нерис было выявлено несколько случаев, когда ударение в формах существительных не соответствует литературному, однако при этом ни о каком морфологическом обосновании говорить не приходится. Для примера возьмем существительные *močia* ‘мать (матери)’ и *vaikai* от *vaikas* ‘ребенок’:

...Kaip **močia** senoji
Siuntė raut linų.
...Как старая бабушка
Послала теребить лен.

[Eglė žalčių karalienė, с. 49]

— Ei, **vaikai!** — šaukia jis vaikus,
— Ei, susirinksite visi!
— Эй, дети! — зовет он детей,
— Эй, собирайтесь все!

[Raštai, I, с. 75]

По правилам литературного языка существительное *močia* — 1-ой а. п. с ударением на корне: *močia* (1), существительное *vaikas* принадлежит к 4-ой а. п., то есть в форме множественного числа ударение должно переходить на сильное окончание: *vaikai*. Скорее всего, в данном случае речь идет только об изменении ударения, вызванном необходимостью соблюсти ритмическую четкость. Эти два примера единичны; в текстах стихотворений достаточное количество форм тех же слов, ударение в которых соответствует литературному:

Močia rūpestinga
Lepina mane...
Бабушка заботливая
Балует меня...

[Eglė žalčių karalienė, с. 35]

— Mama, kur tas kraštas? —
Stebisi **vaikai**.

— Мама, где тот край? —

Дивятся дети.

[Eglė žalčių karalienė, с. 50]

Кроме того, В. Гирдзияускас отмечает, что в лирике С. Нерис, а особенно в ранней, вообще преобладает неточный ритм. Выбираемый поэтессой размер довольно часто предполагает несколько вариантов акцентуации, несколько трактовок. Часто встречаются такие размеры, как пятисложный ямбодактиль или смешение анапеста и ямба. Поэтому подчас сложно сказать точно, куда падает ударение в том или ином слове, достаточно вспомнить стихотворение «Prieblandos ir snaigės» (Сумерки и снежинки), которое рассматривалось нами как содержащее примеры прилагательных с неясной акцентуацией.

Действительно, в тексте собрания сочинений было выявлено немало подобных случаев. В качестве примера можно привести такое четверостишие:

Baltas, baltas vakaras.

Nuo dangaus lig žemės **balti** šydai nutiesti.

О ро šydais širdys plakas:

«Laimę, laimę norime pajusti!»

Белый, белый вечер.

От неба до земли протянуты белые покрывала.

А под покрывалами бьются сердца:

«Счастье, счастье хотим почувствовать!»

[Raštai, I, с. 75]

Очевидно, что здесь возможны несколько вариантов акцентуации. Если принять один из них, получится, что в слове *balti* ударение на первом слоге, а значит, здесь вновь речь идет о том, что прилагательное *báltas* в поэзии С. Нерис имеет иные акцентные свойства, чем в литературном языке. Однако то утверждение, что в форме *balti* ударение падает на первый слог, легко поставить под сомнение в силу неточности ритма, поэтому такие выводы в данном случае не совсем уместны.

Заключение

Итак, были проанализированы поэма С. Нерис «Ель королева ужей» и первый том собрания сочинений поэтессы. В результате этого анализа удалось выявить значительное количество случаев, в которых место ударения отличается от литературной нормы.

Все формы, в которых акцентуация не соответствует литературной норме, можно разделить на две условных группы в зависимости от факторов, влияющих на место ударения.

К первой группе можно отнести формы, ударение в которых не обусловлено влиянием родного диалекта С. Нерис и не связано с морфологией. Некоторые формы получают ударение, не соответствующее литературному, только в силу особенностей поэтического текста, а именно, стремления автора сохранить ритмическую четкость (напр., *moŕià* вместо *moŕia* ‘мать (матери)’). Как правило, это отклонения отнюдь не системного характера, и выбор мест ударения здесь не подчиняется никаким закономерностям.

Однако главным объектом исследования стали формы, относящиеся ко второй условной группе, то есть такие, в которых особенности акцентуации обусловлены иного рода факторами. В языке С. Нерис такая акцентуация характерна как для глагольных, так и для именных категорий.

Чаще всего в таких случаях удалось установить причину несоответствия ударения литературной норме. Анализ соответствующей литературы подтвердил, что многие из этих отклонений обусловлены влиянием родного диалекта С. Нерис (напр., *vienái* вместо *vienai* от ‘одной’). Также акцентуация может отличаться от принятой в литературном языке, так как представляет собой более архаичный вариант произношения (напр., форма *širdýse* вместо *širdysè* ‘в сердцах’).

Кроме того, все примеры, в которых отклонения от нормы не обусловлены только требованиями размера, были проанализированы с точки зрения морфологической акцентологии. Если отталкиваться от того утверждения, что место ударения в слове зависит от акцентных свойств морфем, из которых оно состоит, нетрудно прийти к выводу о том, что в языке С. Нерис те или иные морфемы могут иметь иные акцентные

свойства, чем в литературном языке. Было выявлено, что некоторые основы производных прилагательных, являющиеся слабыми в литературном языке, в поэзии С. Нерис обладают свойствами сильных морфем (напр., *bálta* вместо *baltà* 'белая'). Что касается производных слов, то доминантные морфемы, участвующие в их образовании, могут утрачивать свою доминантность в языке С. Нерис (напр., форма причастия *drebančioṁ* вместо *drēbančiom* 'дрожащими'). Имеет место и другое явление, когда аффикс у С. Нерис действует как усиливающая морфема в большем количестве случаев, чем в литературном языке (напр., *nubárta* вместо *nubartà* 'обруганная').

В целом, можно отметить, что все формы с несоответствующей норме акцентуацией, рассматриваемые в данной работе, крайне нерегулярны и наряду с ними в поэзии С. Нерис встречаются формы с ударением, совпадающим с литературной нормой.

Литература

1. Andronovas 1995 — Andronovas A. Priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas morfoliginės akcentologijos požiūriu // *Baltistica*. 1995. T. 30(1). — 93–100.
2. DLKG — Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius, 1996.
3. LKG I — Lietuvių kalbos gramatika, I. Vilnius. 1965.
4. LKTCh — Lietuvių kalbos tarmių chrestomatija / Bacevičiūtė R., Ivanauskienė A., Leskauskaitė A., Trumpa E.. Vilnius, 2004.
5. Girdeņis 1972 — Girdeņis A. Lietuvių kalbos vardažodžio priesagų kirčio susiformavimas // *Kalbotyros darbai*, I. Vilnius, 2000. — 258–265.
6. Girdzijauskas 1989 — Girdzijauskas V. Lietuvių eilėdara. Vilnius, 1989.
7. Pupkis 1980 — Pupkis A. Kalbos kultūros pagrindai. Vilnius, 1980.
8. Skardžius 1935 — Skardžius P. Daukšos akcentologija. Kaunas, 1935.
9. Stundžia 1995 — Stundžia B. Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema. Vilnius, 1995.
10. Zinkevičius 1966 — Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966.
11. Zinkevičius 2006 — Zinkevičius Z. Lietuvių tarmių kilmė. Vilnius, 2006.